

С. З. ГОНЧАРОВ

Екатеринбург

ПОЧЕМУ ПРЕДПОЧТИТЕЛЕН СУБЪЕКТНЫЙ ПРИНЦИП В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ?

И. Кант сравнил свою *трансцендентальную* философию с *коперниканским* переворотом. Кант – несравненный философ в отношении научной честности, теоретической смелости и проникаемости. Его трансцендентальный метод есть *вывод* из истории развития определенной традиции в философии. В истории философии представлены *объектный и субъектный* принципы философствования. В первом случае философы исходят из внешнего первоначала, с которым они согласовывают субъектность человека, его научное, ценностное и практическое освоение действительности. Человек при этом вращается вокруг той или иной внешней Инстанции, будь то Космос, Природа, Общество и др. Во втором случае исходным является человеческая субъектность как основание для истолкования внешней реальности. Например, до Сократа древние греки, выражаясь образно, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из достоверности человеческого разума. Начался период *классической античной философии*, ее расцвет. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме и породил целое направление в христианстве (протестантизм). От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей философии. А. Смит в отличие от физиократов источник стоимости товаров видит уже не в земле, а в труде. Начинается период *классической политической экономии*. Ф. Энгельс с полным основанием назвал Смита «Лютером» политэкономии (1, с. 549). Кант с присущей ему теоретической основательностью последовательно развивает субъектный принцип в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной самодетельности субъекта. Начинается период *классический* немецкой философии. Трансцендентальный метод Канта героически развивает И. Г. Фихте в своем «Наукоучении». Гегель универсализирует субъектный принцип как методологический принцип: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, - подчеркивает он, - но равным образом и как *субъект*» (2, с. 1). Л. Фейербах этот решающий принцип новой философии обосновывает, скорее, эмпирически и называет его антропологическим. Переход Фейербаха к анализу действительности как *человеческой* действительности или к *действительному человеку*, был закономерен. Ибо новый эвристический принцип нельзя уже было плодотворно развивать, оставаясь в рамках одной методологии.

К. Маркс *субъектный принцип* проводит последовательно во всех частях своего учения: в философии, политэкономии и научном социализме, особенно в теории социализма. Главный недостаток предшествующего материализма он видит в том, что «предмет. действительность чувственность берется только в

форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» (3, с. 3).

«Единственно интересными» в гегелевской диалектике он считал противоположность между «в - себе и для - себя, между сознанием и самосознанием, между объектом и субъектом». Эта противоположность составляет «смысл» всех других противоположностей (4, с.157). Эвристическую мощь этой противоположности Маркс раскрывает уже в своей диссертации, классически излагая принципиальное различие между объективной философией Демокрита и субъективной философией Эпикура. В одном из писем он отмечал, что «реконструкцию античного самосознания» он дал тридцать лет назад, т.е. в своей диссертации. Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса *логическим фундаментом* в понимании субъектности, под которой он понимал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя, *высший уровень человеческой субъективности*. Субъектность, в понимании Маркса, есть такая форма социальной активности людей и социальных институтов, которая характеризует их со стороны таких существенных качеств, как *способность к самоопределению и самодеятельности, нормотворчеству и самоуправлению; со стороны реальных полномочий, прав и обязанностей в реализации социально важных интересов и целей; со стороны реальной власти над природными и социальными силами*. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» (и др. «само») человека. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение о «самоизменении» людей путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия; и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в самой его «творческой основе». Отсюда происходила вся сила его гнева против «самоутраты» людей в отчужденной от них экономике и политике. Поэтому Маркс настаивал на превращении класса «в себе» в класс «для себя». В философском плане суть отчуждения как раз состоит в том, что люди передают свои субъектные функции какой-либо внешней Инстанции, превращая ее в абсолютного субъекта, а себя – в исполнителей ее воли. Поскольку право на самоопределение и нормотворчество сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает гипноз ее Авторитета, ее Культ: она наделяется сверхъестественной способностью быть всегда мудрой и справедливой. И дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решает истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права. Диалектику Маркс считал «единственно правильным методом» теоретического мышления потому, что она логически выражает полноту исторического опыта, предохраняет от односторонних крайностей и позволяет адекватно выразить самостоятельное и саморазвитие людей в их истории. Диалектика Маркса, как его социология и политология, *производна от субъектного принципа его философии*

В трансцендентальном методе Кант выразил конструирующую сущность человеческой деятельности, организованной мышлением; первичность деятельности; тот основополагающий факт, что люди воспринимают мир в тех формах, в которых они сами преобразуют реальность; абсолютную критериальную функцию опыта («практики», уточнит Маркс), за пределами которого заканчивается компетенция науки, и знание уступает место вере. Маркс выводит этот метод на широкую дорогу истории людей, деятельно воспроизводящих свою социальность, все свои способности и отношения. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот» (5, с. 9) и предстала «как философия человеческой практики» (5, с. 7), но практики, взятой на высоте теоретических принципов.

Продуктивность субъектной философии Маркса была парализована именно объектным принципом философствования («безлюдной онтологией»), сразу исчезли интеллектуальная динамика, атакующий и наступательный стиль, духовное дерзновение и смелость, столь присущие этой философии. *Антропологический принцип является разновидностью субъектного принципа философии.*

Всякий раз, когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизнью конкретным и глубоким содержанием. Чем объясняется творческая продуктивность этого принципа?

Во – первых, той *трезвостью* мысли, которая представлена в *критериальной* функции этого принципа: в суждениях о предельных основаниях бытия, о первоначале всего сущего (о трансцендентном) мышление выходит за рамки всякого опыта, покидает сферу компетенции науки и вступает в область гипотез и веры. Например, является ли первоначалом сущего эйдосы Платона или анонимный бог Плотина, или живой Бог – Личность Августина Аврелия, или анонимная абсолютная Идея Гегеля, или материя Энгельса, эти вопросы невозможно решить путем наблюдения или научного эксперимента. Ибо бесконечная и вечная субстанция как целое не дана в опыте конечным существам. И, тем не менее, возможен ли все-таки научный критерий обоснованности того или иного первоначала? Научный критерий должен быть доступен эмпирической проверке. Какая же вера, какая гипотеза о первоначале достойна человека? Вероятно, *та, которая лучшим образом организует внутренний и внешний опыт людей, духовно возвышает личность и является человекотворческой, креативно – антропологической.*

У бессознательной материи не тот ранг качеств, чтобы из них можно было бы вывести ценности, достойные духа и культуры. Поэтому философы исторически начинали с материально-вещественного, а затем приходили к духовному: вещественные первоначала досократиков вытесняются эйдосами Платона и богом Плотина и т.д. Если дух, по выражению Энгельса, есть «высший цвет материи», то и надо исходить из этого «цвета» в основных вопросах мировоззрения. В мировоззрении и философии люди объективируют те принципы, которые выступают для них как должные и желаемые. Мировоззрение императивно и проективно. Кто знает истинную свободу, тот, подобно Шеллингу, и космос воспринимает художественно, как свободное

развертывание имманентных космосу потенций и сил. А кто привык жить по правилам, навязанным извне, для того жесткий детерминизм, определение извне, является самоочевидным принципом миропонимания и организации жизни. Какова социальность, таково и мировоззрение. Философия субъектная критична к собственным принципам.

Во – вторых, субъектный принцип эвристичен в гносеологическом отношении. Люди осознают реальность в тех формах, в каких они ее деятельно преобразуют. Это положение Кант обосновал, исходя из деятельности «абстрактно-духовной», а Маркс, исходя из деятельности и материально-практической. Речь в данном случае идет не об отрицании объективных закономерностей, например природы, а о том, что эти закономерности люди осознают в формах своей собственной активности, Предметное содержание становится понятным тогда, когда оно подводится под те формы преобразования реальности, которыми люди уже владеют, а значит и овладевают и тем содержанием, которое подводится под эти формы. Содержательная логика есть наука о таких всеобщих формах понимания. Кант обосновал полную несостоятельность онтологии, как некритической объективации логических форм, возникающих из процесса изменения мира человеком. Субъектный принцип критичен и в области теории познания, он преодолевает пассивную созерцательность объектно ориентированного материализма.

В – третьих, этот принцип продуктивен и критичен также в области философской диалектики и аксиологии. В объектной философии диалектика понимается как отражение «всеобщих законов бытия», а в субъектной философии – как логика саморазвития людей в их историческом процессе. Эта логика затем экстраполируется и на природу. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида» (6, с. 35). Такое процессуальное понимание и выражает диалектика. Странники объектного материализма написали в 70-е – 80-е годы XX века многотомные «диалектики», мучая себя и читателей. Маркс же намеревался написать «Диалектику» на «двух – трех печатных листах». Причина бесплодия онтологистов-диалектиков заключалась в непонимании того обстоятельства, что человек смотрит на мир через оптику деятельного преобразования этого мира. Часть философов советского периода, исходящих из субъектной философии, ныне отнесены к «мыслителям XX века», например Э. В. Ильенков; следует назвать также Г. С. Батищева, М. К. Мамардашвили.

Но человек целостен в своих духовных силах: его мышление ориентировано на объективную истину, воля – на сотворение добра, созерцание – на красоту, а вера – на совершенное, объективно лучшее содержание, которое гармонично соединяет в себе истину, добро и красоту. Диалектика, которая «ни перед чем не останавливается» и для которой нет ничего «святого» (Ф.

Энгельс), есть бессовестная диалектика людей, глухих к добру, красоте и совершенству. Обновленная философская диалектика сохранит импульс саморазвития, но не как бесполое безостановочное движение от возникновения чего-либо к его уничтожению, но как саморазвитие целого в единстве истины, добра и красоты, как восхождение к совершенным содержаниям. Субъектный принцип содержит в себе мощный потенциал для дальнейшего творческого развития. Проблемой является соединение диалектики с аксиологией, с совершенным, с божественным. Диалектика без теологии будет ценностно слепой и уподобится логическому автомату, переламывающему все и вся. Теология без диалектики станет «безлюдной» и косной (как онтология объектных материалистов) - без стремления, воодушевления, выхождения за пределы достигнутого. Диалектическая теология есть по форме субъектная теология, и она уже не будет растворять человека в Боге, провоцируя на очередной «протест» очередного Лютера. Откровение Христа может быть творчески и углубленно осмыслено субъектной теологией. Ибо Спаситель взывал к «духу», а не к «букве», к «человеку», а не к «субботе» и пояснял, что царство Божие «в душе вашей есть». В антропологии русской философии (И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) абсолютность Бога не является чем-то потусторонним человеку: дух человека понимается как образ и подобие совершенства Божия; природа духа причастна Совершенству генетически и субстанциально; смысл бытия человека толкуется как актуализация божественного в душе и обоживание души и внешней реальности путем восхождения к совершенству, к самоосвобождению от слепой бессознательной стихии. Такой путь есть субъектная, ценностно выверенная диалектика восхождения. На этом пути антропология не растворяется в теологии (как в средневековом католицизме), а теология не поглощается антропологией (как у протестантов). Как объектные материалисты убили диалектику «буквой» и фетишизмом материи, так и у фарисеев религия Бога окаменела в обряде.

Субъектный принцип предпочтителен в преподавании не только философии, но и других гуманитарно-социальных дисциплин (эстетики, этики, социологии, политологии и др.) потому, что он развивает субъектные качества личности, предохраняет от фетишизма внешних форм, а значит, от отчуждения и ориентирует на усвоение главного – человеческой субъективности, многообразно раскрытой в красоте природы, мощи промышленности, в государственной системе и в индивидуальной вариативности людей, в мире культуры в целом.

1 Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1.

2 Гегель. Феноменология духа // Соч.: в 14 т. М., 1959, т. 4.

3 Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.

4 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42.

5 Любутин К. Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996.

Л. Э. СТАРОСТОВА

Екатеринбург

ВОЗМОЖНОСТИ ЭСТЕТИКИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В последние годы в отечественном высшем образовании наблюдается процесс все большего углубления кризиса эстетики как учебной дисциплины. Если десять лет тому назад она была обязательной частью гуманитарного образовательного цикла в вузах, то сегодня почти не осталось специальностей, в учебном плане которых значился бы курс эстетики. Можно поставить вопрос, следует ли из этого положения эстетики вывод о том, что возможности эстетики как учебной дисциплины исчерпаны?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к рассмотрению той ситуации, которая сложилась в последнее время вокруг эстетической теории. Обращает на себя внимание сосуществование двух тенденций, определивших перспективы эстетики как науки в XX, теперь уже и в XXI веке.

Первая тенденция состоит в том, что классическая эстетика, понимаемая как философия искусства, то есть абстрактная теория, стремящаяся к обобщению и универсализации всех тем, касающихся художественной практики, безнадежно устарела. В 1969 году Т. Адорно в своей «Эстетической теории» констатировал: «Поверхностно обзирающая, созерцательная позиция, которая приписывается эстетике наукой, со временем стала несовместимой с ушедшим далеко вперед, продвинутым искусством...»¹.

В XX веке в искусстве возникает ситуация, когда становится невозможным обобщенное рассмотрение классического искусства и искусства нового (модернистского). Последнее получало самоопределение во многом через отрицание основополагающих характеристик первого. Помимо этого многочисленные направления в искусстве XX века одной из своих творческих задач видели как раз ускользание от любых попыток заключения их в некий смысловой ряд.

Трудно не согласиться с мыслью Х. Ортеги-и-Гассета, высказанной в его знаменитом эссе «Дегуманизация искусства»: «Все особенности нового искусства могут быть сведены к его нетрансцендентности, которая, в свою очередь, заключается не в чем ином, как в необходимости для него изменить свое место в иерархии человеческих забот и интересов... Искусство, ранее располагавшееся – как наука или политика – в непосредственной близости от центра нашей личности, теперь переместилось ближе к периферии»². В такой ситуации для пафосно настроенной эстетики становится невозможным попасть в цель при попытках рассуждения о явлениях современного искусства с позиций понимания искусства как явления вневременного по своему смыслу, тематике и законам творческого выражения.